

Кильдяшов Михаил Александрович

**"ТРЕВОЖНАЯ И МЕТУЩАЯСЯ ДУША": ОБ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ ПРИСУТСТВИИ М.
ЛЕРМОНТОВА В НАСЛЕДИИ П. А. ФЛОРЕНСКОГО**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/2-2/27.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 73-74. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Русские педагоги К. Д. Ушинский, Л. Н. Толстой, Н. Ф. Бунаков, Н. А. Корф, В. И. Водовозов, В. П. Вахтеров выступали за новую демократическую народную школу, дающую подрастающему поколению научное и связанное с жизнью полноценное общее образование; выдвигали на первый план воспитательные задачи с целью подготовить всесторонне образованного и деятельного человека; высказывались за активизацию методов обучения, сознательное, осмысленное усвоение знаний, за уважение к личности ребенка.

Список литературы

1. Каптерев П. Ф. История русской педагогики / предисл. Н. В. Бордовской; послесл. В. П. Борисенкова. СПб.: Алетейя, 2004.
2. Пирогов Н. И. Избранные педагогические сочинения. М., 1985.

УДК 821.161.1

Михаил Александрович Кильдяшов

Оренбургский государственный педагогический университет

**«ТРЕВОЖНАЯ И МЕТУЩАЯСЯ ДУША»: ОБ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ ПРИСУТСТВИИ
М. ЛЕРМОНТОВА В НАСЛЕДИИ П. А. ФЛОРЕНСКОГО[©]**

При сопоставлении русской и европейской философской традиции обращает на себя внимание весьма важный момент, еще в 20-е годы XX века четко определенный А. Ф. Лосевым: «Русской философии, в отличие от европейской, и более всего немецкой философии, чуждо стремление к абстрактной, чисто интеллектуальной систематизации взглядов» [2, с. 73]. Объяснение данному факту, в свою очередь, было дано В. В. Зеньковским, отметившим, что одним из источников западноевропейской философии стало «огромное философское наследство, полученное ею от античного мира. Запад естественно сознавал себя наследником античной философии, связанным с ней живыми нитями - особенно благодаря тому, что латинский язык был языком церкви» [1, с. 7]. Примечательно, что и А. Ф. Лосев и В. В. Зеньковский стремились в своих работах разрушить ошибочный стереотип, будто «бессистемная» русская философия стала калькой западноевропейских идей. Оба ученых сходятся в том, «системный период» (выражение В. В. Зеньковского) отечественной философии начинается с Вл. С. Соловьева, сумевшего, с одной стороны, синтезировать зарубежный опыт в данной области с самобытными явлениями культуры Древней Руси, Петровской эпохи и XIX в., а с другой - «без остатка сгорев в огне и ужасе своих апокалиптических предчувствий», стать «настоящим вождем группы серьезных и основательных русских мыслителей» [2, с. 98].

Самобытность русской философии «бессистемного периода» определяется двумя основными культурными монолитами. Во-первых, православие (Священное Писание, святоотеческая литература, деятельность Духовных академий), ставшее причиной отхода в русской философии на второй план гносеологии и выдвижения онтологии. Во-вторых, художественная литература, оказавшаяся, по мнению В. В. Зеньковского, своеобразным катализатором исключительно русской философской системы: «Мощь же ее [России] собственного гения впервые проявилась в сфере литературы: после нескольких десятилетий подражания Западу, через эпоху Державина, а потом Жуковского, приходит Пушкин, в котором русское творчество стало на собственный путь - не чуждаясь Запада, даже откликаясь на его жизнь, но уже связав себя в свободе и вдохновении с самыми глубинами русского духа, с русской "стихией"» [1, с. 7]. Писатели и поэты, не создававшие трактатов, не разрабатывавшие научной терминологии, в онтологических категориях сумели до прихода В. С. Соловьева «подготовить почву» для собственно философов, а позднее - вступить с ними в диалог: «Почти всегда в глубине ее [художественной литературы] шла неустанная работа над самыми важными, неумирающими и значительными проблемами человеческого духа; с проклятыми вопросами она почти никогда не расставалась. <...> истинную русскую философию следует искать больше всего именно здесь. Пушкин и Лермонтов (курсив мой - М. К.), Гоголь и Салтыков, Тургенев и Гончаров, Толстой и Достоевский, Успенский, Короленко, Чехов - все это подлинная наша философия, философия в красках и образах живого, дышащего слова» [2, с. 72-73].

Диалог философии и литературы, начавшийся в русской культуре на рубеже XIX-XX вв., получил два главных вектора: 1) литература продолжала оказывать влияние на онтологическую сторону философии; 2) одни из лучших литературоведческих и критических работ в отечественной филологии были написаны представителями «русского религиозного Ренессанса» (выражение Н. А. Бердяева). Данный корпус работ отличается определенной избирательностью: скрупулезному и многоаспектному анализу религиозные философы подвергли, прежде всего, творчество Пушкина, Гоголя, Достоевского и Л. Н. Толстого. Но перечень работ, посвященных Лермонтову, который, по мысли В. В. Розанова, явился не отростком, а «стволом» русской литературы, весьма не велик.

Не останавливаясь на возможных причинах такого положения дел, отметим ключевую особенность, несколько не умаляющую достоинства литературоведческих работ религиозных философов. Зачастую литературный материал в данном случае становился для мыслителей не целью, а средством, иллюстрацией, способом «обкатки» философских идей. Так, в статье о Лермонтове, В. С. Соловьев стремится выступить противником ницшеанского сверхчеловека; Д. С. Мережковский, говоря о «созерцании» Пушкина и «действии» Лермонтова, отрабатывает логический принцип рассуждения «теза-антитеза», что мы также можем встретить в работах о Тютчеве и Некрасове, Достоевском и Л. Н. Толстом.

В этой связи возникает следующая источниковедческая мысль: если писатели и поэты в данном случае становятся для философов «разговором по поводу», то есть смысл обращаться не только к тем работам, где в заглавие непосредственно вынесено либо имя писателя, либо название художественного текста, но и к более обширному корпусу статей и монографий, непосредственно не касающихся филологической проблематики.

Так, например, в наследии П. А. Флоренского можно найти не столь много трудов, посвященных анализу литературного творчества, но если мы сделаем парадигматический срез собрания сочинений о Павла на предмет интертекстуального присутствия русских классиков, то сумеем найти целый ряд пусть фрагментарных, но очень содержательных и порой парадоксальных суждений о Пушкине, Гоголе, Фете, Тютчеве, Некрасове, Достоевском, Л. Н. Толстом, Лескове и др.

Лермонтов упоминается П. А. Флоренским при рассуждении о Божественной природе иконы («Иконостас», «Троице-Сергиева лавра и Россия»), о тонкостях литературного перевода и музыкальной стороне поэзии («Имена», «У водоразделов мысли», «Письма с Дальнего Востока и Соловков»), о религиозной символике цвета («Небесные знамения»). Мы не будем подробно останавливаться на каждом примере интертекстуального присутствия, а попытаемся вписать суждения П. А. Флоренского о Лермонтове в контекст религиозно-философского лермонтоведения. Для этого обозначим две ключевые проблемы.

1) Титанизм Лермонтова. Как основные особенности поэтической натуры Лермонтова В. С. Соловьевым были отмечены «страшная напряженность и сосредоточенность мысли на себе» [5, с. 276] и «решительное сознание, что он существо избранное и сильное, назначенное совершить что-то великое» [5, с. 281]. Эти особенности и позволили В. С. Соловьеву назвать Лермонтова «ницшеанцем до Ницше». П. А. Флоренский определил данное свойство Лермонтова более емким и точным, на наш взгляд, словом - *титанизм*: «Титаническое, само в себе, - не грех, - а благо: оно мощь жизни, оно самое бытие. Но оно ведет ко греху. Всегда ли? Нет. Ибо и добро осуществляется той же стихийной силой - началом титаническим. Титаническое - потенция всякой деятельности. Оно - по ту сторону добра и зла <...> Это оно пленяло Байрона и Лермонтова» [8, с. 134]. П. А. Флоренский, развивавший идею антроподицеи - оправдание человека перед Богом, утверждал, что при этом необходимым этапом становится преодоление титанического пути - пути реальности, т.е. целью здесь становится выход за пределы чувственных восприятий и рациональных суждений, что непосредственно связано со следующей проблемой религиозно-философского лермонтоведения.

2) Способность Лермонтова созерцать «запредельную сторону жизни». Анализируя стихотворение «Сон», В. С. Соловьев обращает внимание на уникальный для мировой литературы лермонтовский прием: «трехступенчатый» сон, когда лирическое «я» видит во сне (1) сон (2) своего сновидения (3). «...Способность переступить в чувстве и созерцании через границы обычного порядка явлений и схватывать запредельную сторону жизни и жизненных отношений» [5, с. 283] - так охарактеризовал данную способность поэта В. С. Соловьев. «Он знал тайну выхода из природы - в Бога, из «стихий» - к небу; т.е. этот «27-летний» юноша имел ключ той «гармонии», о которой вечно и смутно говорил Достоевский...» [4, с. 326] - углубляет проблему В. В. Розанов. Рассуждая о «золотисто-зеленой и прозрачно-изумрудной» символике Софии - Премудрости Божией, воплощающей, по мысли П. А. Флоренского, «райский аспект» отношения человека с Богом, когда нет еще ни добра ни зла, а есть только «движение около Бога», о. Павел приходит к выводу, что этот аспект «мелькал, но не находил себе выражения, в первоначальных замыслах Лермонтова» [7, с. 417], т.е. поэт погиб на стадии преодоления титанического пути.

Таким образом, две обозначенные нами проблемы с учетом «попутных» суждений П. А. Флоренского о «тревожной и метущейся душе» [6, с. 473] Лермонтова актуализируются в новом свете и, думается, будут иметь продолжение как в литературоведении, так и в других гуманитарных дисциплинах.

Список литературы

1. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: ЭКСМО-Пресс; Фолио, 2001. 896 с.
2. Лосев А. Ф. Русская философия // Лосев А. Ф. Страсть к диалектике. М.: Советский писатель, 1990.
3. Мережковский Д. С. М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Мережковский Д. С. В тихом омуте: статьи и исследования разных лет. М.: Советский писатель, 1991.
4. Розанов В. В. Вечно печальная дуэль // Михаил Лермонтов. Pro et contra. СПб.: РГХИ, 2002.
5. Соловьев В. С. Лермонтов // Соловьев В. С. Литературная критика. М.: Современник, 1990.
6. Флоренский П. А. Иконостас // Флоренский П. А., священник. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2.
7. Флоренский П. А. Небесные знамения (размышления о символике цветов) // Там же.
8. Флоренский П. А. Философия культа (опыт православной антроподицеи) // Там же. 2004.